

преимущественно в Вятской губернии и в ряде уездов Пермской губернии; разведение бахчей — в Оренбургской губернии); на системы хозяйства (подсечная система была распространена в северных уездах Пермской и Вятской губерний; трехполье — в Вятской, Пермской и Уфимской губерниях; залежное земледелие — в Оренбургской губернии); на сроки посева культур; на урожайность; на локальное разнообразие пород домашних животных.

Развитию хозяйственно-экономической деятельности на Урале способствовало наличие удобной сети коммуникаций, обеспечивавших возможности для сбыта народнохозяйственной продукции на внешних для региона рынках.

В.И. Байдин
(г. Екатеринбург)

О СОЦИАЛЬНОЙ ПРИРОДЕ ВОЛНЕНИЙ СТАРООБРЯДЦЕВ НА НИЖНЕ-ТАГИЛЬСКИХ ЗАВОДАХ В 1840 г.

Еще в 1950-х гг. уральские историки, занимавшиеся анализом состава участников антикрепостнического движения на местных горных заводах в первой половине XIX в., показали, что во главе некоторых значительных «рабочих» выступлений на самом деле стояли торгово-промышленные слои заводских поселков (Кривоногов В.Я., 1955, 1958; Кулагина Г.А., 1960). Такими оказались, например, самые массовые в истории рабочего движения дореформенной России волнения на заводах Расторгуева в 1820-х гг. В монографии, посвященной крестьянскому движению в Сибири во второй четверти XIX в. (1987), новосибирская исследовательница Т.С. Мамсик пришла к выводам об отражении в нем интересов и, зачастую, руководящей роли аграрно-промышленной буржуазии государственной деревни. Отмеченные тенденции на Урале проявились достаточно рано. Так, в литературе существует несовпадение точек зрения в определении социальной природы волнений вечноотданных на Нижне-Тагильских заводах в начале 1760-х гг.: А.С. Орлов (1979) считает движение крестьянским, а А.С. Черкасова (1985) рассматривает волнения в контексте борьбы мастеровых и работных людей. Между тем, заводские приказчики эти события характеризовали несколько иначе: «при Нижне -

Тагильском-де заводе главные к непослушанию начинатели - торгаши и рукодельщики, яко: токари, бурашники, санники, маляры и кожевники, а кои-де не торгуют и не рукодельничают, как и прежде усердно работают и впредь работать желают...» Эту оценку разделял и заводовладелец Н.А. Демидов (РГАДА. Ф.1267. Оп. 1. Д.179. Л.50-50 об.; более подробно о социально-правовых отношениях и реальном положении вечноотданных на уральских частных заводах второй половины XVIII в. см. в статье Д.А. Редина в настоящем сборнике). В ходе указанных волнений вечноотданных очень заметным было влияние староверия (Павловский Н.Г., 1994); ранее мне приходилось отмечать и тесные взаимосвязи между старообрядчеством и классовой борьбой на уральских заводах в первой половине XIX в.

В рукописном старообрядческом «Невьянском летописце» 1830 - 1860-х гг. зафиксировано: «Нижнетагильска часовня отобрана 1840-го года». За этой лаконичной записью скрываются малоизвестные драматические события, имевшие резонанс далеко за пределами крупнейшего горнозаводского округа края. До 1917 г. о них упоминали синодальные (архимандрит Палладий, 1863) и старообрядческие (Кузнецов А.Ф., 1915) авторы, а также Д.Н. Мамин-Сибиряк в очерках «От Урала до Москвы». Коротко, на полутора страницах, волнения старообрядцев на Нижне-Тагильском и Черноисточинском заводах в 1840 г. при закрытии часовни и передаче ее единоверцам впервые описал пермский историк А.А. Савич в очерках крестьянского движения на Урале (1926, 1931). Наряду с конфессиональным характером выступления, он отметил (не поясняя причин) недовольство населения выдачей зарплаты не ассигнациями, а депозитными билетами в исчислении их на серебро. (Замена ассигнаций депозитными билетами в ходе финансовой реформы (реформа Канкрин) и введение нового податного курса рубля означали 3 % увеличение налогов, снижение покупательной способности и обесценивание сбережений, особенно ощутимые для живущих на зарплату и мелких предпринимателей. - В.Б.). К сожалению, даже этот краткий сюжет у А.А. Савича изобилует фактическими ошибками, к тому же он основан, видимо, лишь на одном донесении пермского губернатора И.И. Огарева «о своевольстве» раскольников.

Волнения 1840 г. на Нижне-Тагильских заводах стали кульминацией событий, которые начались много раньше (с 1837 г., например, в округе было закрыто 5 старообрядческих часовен из 9) и продолжались долгие годы после этого. В выступлении участвовали бывшие

старообрядцы - поповцы (часовенные), фактически уже перешедшие к беспоповской обрядовой практике, т.к. беглых попов к этому времени на Урале не осталось. (Обзор событий составлен по следующим материалам. РГИА. Ф. 1473. Оп.1. Д. 5, 18, 19; ГАПО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 244; Оп. 2. Д. 862; ГАСО. Ф. 43. Оп. 3. Д. 25; Ф. 643. Оп. 1. Д. 800, 802, 812, 823 и др.).

Решение о передаче единоверцам известной на всем Урале и в Западной Сибири нижнетагильской Троицкой часовни (15 тыс. прихожан) было принято Секретным комитетом по делам о расколе в Петербурге и одобрено Николаем I, предписавшим действовать «с должной осторожностью». Главный начальник уральских горных заводов В.А. Глинка еще в 1837 г. предупреждал, что в случае с Троицкой часовней «не ручается за спокойствие раскольников, коих там (на Нижне-Тагильском заводе - В.Б.) - более 5 000, а единоверцев только 600».

Прибывшие из Перми чиновники в сопровождении управляющих заводами 30 марта совершили неожиданный налет на часовню, опечатали ее, а у дверей поставили караул. Собравшаяся к вечеру толпа старообрядцев «вытеснила с криком» более двух десятков жандармов, казаков, солдат этапной команды и заводских полицейских служителей; взломав замок, до 1 000 человек вошли в часовню и начали богослужение. С утра 31 марта в богослужении участвовало уже около 2 000 человек. В течение последующих дней службы совершались по три раза и даже ночами до 200 старообрядцев находились в часовне.

МВД стало известно, что готовится захват опечатанных старообрядческих часовен в Черноисточинском и Лайском заводах округа. Министр приказал пермскому губернатору как можно скорее выехать в Нижний Тагил. В ночь на 12 апреля в Черноисточинске, где старообрядцев жило более чем вдвое больше, чем православных и единоверцев, тоже произошел захват закрытой в 1837 г. часовни. Прибывший немедленно исправник Нижне-Тагильских заводов ничего сделать не смог. Собравшиеся там примерно 700 старообрядцев, (в последующие дни и больше), в один голос кричали: «Готовы головы свои положить за веру!» Единственный, кого удалось арестовать, на следующий день «из под стражи сбежал скованный». Он и другие непосредственные участники взлома, вооруженные, скрывались в рыбацких избушках по берегам Черноисточинского пруда. Посланные на их поимку команды вернулись ни с чем. Ночами Черноисточинская часовня охранялась «явными и скрытыми караулами» старообрядцев.

Центральные власти были чрезвычайно обеспокоены достаточно редкой для России ситуацией откровенного игнорирования повеления самодержца и рассматривали ее как потенциально взрывоопасную. Под влиянием этих событий комитет по делам о расколе отложил исполнение решений об уничтожении часовни в строгановском Добрянском заводе и превращением в единоверческую церковь часовни в Нижне-Салдинском заводе. Император на этом решении комитета собственноручно заметил, «что вообще касательно раскольников, нужно делом не спешить и действовать очень осторожно».

Троицкая часовня, несмотря на несколько попыток изгнать оттуда старообрядцев, постоянные «увещевания», запугивания, угрозы «поступить военным порядком», репрессии в отношении участников волнений, удерживалась ими полтора месяца. В свою очередь, старообрядцы Нижне-Тагильских заводов подали прошения министру внутренних дел гр. А.Г. Строганову и главному начальнику заводов, обвиняя представителей властей в насилиях и заявляя, что на «пересдачу Троицкой часовни все общество несогласно». В Екатеринбург к Глинке посылались поверенные старообрядцев. 11 мая в Нижний Тагил прибыл губернатор. Только к утру 15 мая от арестованных 36 «главных зачинщиков» удалось добиться подписки о исполнении «высочайшей воли», т.е. они обещали не препятствовать передаче часовни единоверцам. После этого 225 старообрядцам - главам семейств, виновным в захвате, сделал в заводууправлении «внушение» губернатор. Они согласились «не входить» в часовню. Часовня была окружена. Казаки и полиция, с приданными им в помощь мастеровыми из православных, силой вывели остававшихся там примерно 200 человек, в основном женщин: мужчин оставалось не более 45. Собравшаяся толпа старообрядцев была разогнана струями воды из пожарных машин. Оказавших наибольшее сопротивление 18 человек подвергли наказанию розгами. 17 марта, после ареста нескольких десятков активных участников захвата черноисточинской часовни, она была оставлена старообрядцами. В Нижнем Тагиле и Черноисточинске был введен комендантский час, улицы ночью патрулировались, на въездах и выездах из поселков установлены заставы. Николаю I направлен доклад «О прекращении неповиновения раскольников Нижне-Тагильского и Черноисточинского заводов». Император «изъявил Всемилостивейшее соизволение на прощение виновных», однако повелел «принять решительные меры к искоренению между ними раскольниками духа непокорности, постоянным перемещением упорнейших в другие заводы тех же владельцев...»

Впрочем, реализовать это повеление заводоуправление фактически так и не решилось. А в конце 1841 - начале 1842 г. между горной полицией и заводскими властями с одной стороны, и старообрядцами Черноисточинского, Висимо-Уткинского, Висимо-Шайтанского и Лайских заводов округа - с другой, были заключены своеобразные «договоры» в форме подписок или устных соглашений. Старообрядцы соглашались не препятствовать желающим обратиться в единоверие и передаче часовен единоверцам, и не делать «какого-либо возмущения». Взамен они требовали оставить их в старообрядчестве «по-прежнему», не вмешиваться в их дела и не принуждать к принятию единоверия. Требование «величайшей осторожности» действий с прямой ссылкой на нижнетагильские и черноисточинские события содержится в распоряжениях пермского губернатора 1841 г., посвященных массовым волнениям государственных крестьян в Приуралье («картофельным бунтам», в них также заметно было влияние старообрядчества).

В рассматриваемое время Нижне-Тагильский завод вместе со слившимся с ним Выйским заводом стал крупнейшим населенным пунктом Урала, сравнявшись по численности населения (более 20 тыс.) с Екатеринбургом (вместе с Верх-Исетским заводом), и намного опережая губернскую Пермь. Наряду с горнозаводским производством здесь значительное развитие получили торговля и кустарная промышленность, частично находящаяся уже на стадии перехода к мануфактуре. В 1840 г. собственно в Нижнем Тагиле насчитывалось не менее 250 лавок, 5 винных погребов, кустарных и ремесленных заведений (по далеко не полным сведениям) - 84; на Выйском заводе их было 17, а во всем округе - свыше 150. «Выделкою... вещей занимаются те жители, которые сами заводских работ не исполняют, и вместо себя нанимают других», - отметил профессор Казанского университета И.Я. Горлов. Одни железные тагильские росписные изделия, по его словам, занимают «почти целый ряд» на Нижегородской ярмарке. На заводах округа проживало немало иногородних купцов, мещан, окрестных государственных крестьян, крестьян помещиков центральной России и т.д. На начало 1841 г. на Нижне-Тагильском и Выйском заводах только старообрядцев-поповцев «других ведомств» (не демидовских крепостных) было свыше 250.

Торгово-промысловые слои играли руководящую роль в местном беглопоповском обществе. К моменту волнений старшинами старообрядческого общества Нижне-Тагильских заводов и попечителями Троицкой часовни состояли купец П.Чеусов, демидовские крепостные крестьяне С. Красильников - владелец ветряной мельницы

и кожевенного заведения, и К. Ушаков - представитель разветвленного семейства местных предпринимателей, выдающийся гидротехник, впоследствии за постройки для заводов получивший вольную. Его дети стали текстильными фабрикантами, а род Ушаковых в целом дал несколько промышленных династий. Первые два имени значились в числе «главных зачинщиков» волнений. Вообще в списке 36 «зачинщиков» примерно половину составляли владельцы или члены семей собственников «заведений, составляющих промышленность». К сожалению, подобных сводных данных о собственниках торговых заведений и прочих предпринимателях в Нижнем Тагиле на период событий 1840 г. не имеется. Однако известно, что Е. Шляпников в это время имел две лавки в заводском с. Воскресенском и занимался там ростовщическими операциями; другой крепостной крестьянин из списка «главных зачинщиков» - подрядчик И. Сетьков, - в своем духовном завещании 1839 г. одного движимого имущества перечислил на 5 600 руб., в т.ч. 30 лошадей и 40 подкованных дровней. Ф. Германов (Ушаков) был владельцем известной на весь горнозаводской Урал иконописной мастерской и т.п. Тот же Германов вместе с С. Дубесниковым - владельцем подносного заведения, вскоре выкупившимся на волю за 10 тыс. руб., - возглавляли отражение одной из попыток изгнать старообрядцев из часовни, предпринятой 17 апреля исправниками Тетюевым с казаками и заводской полицией. Оба они тогда были арестованы и несколько дней содержались в тюрьме.

Об активной роли и массовом участии предпринимательских слоев Нижнего Тагила в движении имеется достаточно других свидетельств. На следующий день после захвата старообрядцами часовни штаб-офицер корпуса жандармов по Пермской губернии подполковник Жадовский собрал на конторском дворе около 500 человек, работавших в заводских цехах, и объявил им императорское повеление о передаче Троицкой часовни единоверцам «как людям..., скромно занимавшимся своими работами и немещавшимся в буйный поступок вторгшихся в часовню». Поддержки от рабочих он, впрочем, не получил. В прошении от 10 апреля, поданном министру внутренних дел, участники волнений прямо указывали, что из-за необходимости держать постоянные караулы в часовне (для защиты от попыток властей ее захватить), «имеющаяся в домах наших промышленность остановилась». В другом прошении на имя главного начальника Уральских заводов они жаловались: «домашние наши работы и промыслы остановились».

Социальную специфику волнений старообрядцев 1840 г. прекрасно осознавали власти. Не случайно многократным вызовам на «увечева-

ния» подвергались именно «первостатейные раскольники». По особому распоряжению заводууправления в самом начале событий в тяжелые работы на дальние золотые и платиновые прииски были высланы 11 человек активных участников из числа углепоставщиков (или числились большинство крепостных демидовских крестьян-предпринимателей). Накануне развязки более 30 женщин «из порядочных домов» Нижнего Тагила отправлено в работы на железный рудник.

Преимущественно «рабочими» по составу участников и методам их действий (элементы забастовки) выглядят события 1840 г. на Черноисточинском заводе. Но и там среди главных организаторов захвата часовни были владельцы токарных заведений государственный крестьянин К. Комаров и демидовские крепостные И. и Т. Урвачевы, несколько торговцев. Весь ход черноисточинского выступления показывает, что оно было скоординировано с нижнетагильским: представители руководителей черносотенских старообрядцев приезжали на совещания в Троицкую часовню, а женщины из Черноисточинска участвовали в ее обороне. Наконец, даже внутривзаводская статистика торгово-промышленной деятельности не дает полного представления о степени вовлечения в нее рабочих основных производств. По данным первой половины 1850-х гг. многие мастеровые Нижнетагильского завода дополнительно подрабатывали в промышленной сфере. (ГАСО. Ф.643. Оп.1. Д.1139). Еще во втором десятилетии XIX в. поставки деревянных деталей для производства сундуков (а это многие тысячи стандартных комплектов) на рынок в Невьянске осуществлялись крепостными крестьянами Черноисточинского завода (ГАСО. Ф. 12. Оп.1. Д. 540. Л. 36-58).

Хорошо известно, что история старообрядчества в России оказалась тесно связанной с формированием капиталистического уклада в социально-экономической жизни страны. Старообрядческие сообщества способствовали складыванию системы экономических связей на основе религиозных и, наоборот; организации взаимопомощи и кредита, концентрации капиталов, освобождению формирующихся буржуазных элементов из крепостной зависимости и многому другому. Одновременно единство веры, взаимопомощь, кредит, благотворительность (при Троицкой часовне имелись специальные помещения для нескольких десятков «убогих и престарелых» - В.Б.) создавали ситуацию «сочетания потребностей двух противостоящих классов рождающегося капиталистического общества» (Рындзюнский П.Г., 1958), обеспечивали режим строгой дисциплины в старообрядческих общинах и маскировали эксплуатацию низов верхушкой.

Таким образом, руководящая роль предпринимательских слоев, их активное участие в волнениях 1840 г. на Нижне-Тагильских заводах и широкая поддержка со стороны рядовых старообрядцев вполне закономерны, а само движение не может рассматриваться как чисто конфессиональное. Одно из антистарообрядческих мероприятий самодержавия на самом деле затрагивало сложное переплетение религиозных, социальных, экономических, культурных связей и взаимоотношений. В неучете этих обстоятельств и кроются, очевидно, общие причины провала, при некоторых внешних и частных успехах, николаевской политики подавления староверия.

Именно социально-конфессиональной спецификой объясняются, видимо, многие специально неанализировавшиеся характерные черты волнений старообрядцев 1840 г. на Нижне-Тагильских заводах: практическое отсутствие царистских иллюзий, активная роль женщин, довольно высокая степень организации и др. В заключении еще одно, более общее замечание. Помимо описанных событий имеется достаточное количество историографических фактов (небольшая их часть приведена в начале данных заметок), позволяющих утверждать, что представления о «молчании российской буржуазии» даже на стадии ее формирования является мифом. Борьба предпринимателей за свои интересы велась в экономической, идеологической и, в известной степени, социально-политической сферах, и не была безрезультатной. Просто дело в том, что интересы эти долгое время носили групповую и региональную окраску. Не случайно буржуазные партии возникли лишь в начале XX в., после складывания, в основном, всероссийского рынка. Поэтому зафиксировать активность предпринимательских слоев в предшествующий период легче на локальном уровне.

Работа выполнена по теме гранта РГНФ N 95-06-17841.
